

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Панкевич Н.В. Права человека в условиях цивилизационного многообразия: социетальные истоки кризиса // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 67-86. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_4_67

УДК 323.2:340.15:342.7

DOI 10.17506/26867206_2025_25_4_67

Права человека в условиях цивилизационного многообразия: социетальные истоки кризиса

Наталья Владимировна Панкевич

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

*Поступила в редакцию 14.07.2025, поступила после рецензирования 13.10.2025,
принята к публикации 05.11.2025*

Статья представляет анализ современных вызовов системе прав человека. Показано, что развивающийся сегодня кризис ведет к инструментализации прав человека в рамках геополитических противостояний, создает напряженность между ценностным комплексом прав и другими основополагающими принципами миропорядка, включая государственный суверенитет. Результатом этого процесса становится возрастающая деуниверсализация системы прав человека. При этом наиболее глубокий конфликт связан с цивилизационным уровнем, где сталкиваются фундаментально различные антропологические и социально-политические предпосылки формирования политических единств, где переменной становится само

© Панкевич Н.В., 2025

понимание государства. В статье проанализирована проблема цивилизационного измерения конфликта вокруг прав человека через призму трех парадигматических моделей: англо-американской (права как индивидуальные негативные свободы, ограничивающие правительственный аппарат государства), континентально-европейской (права в контексте социальной солидарности в рамках охватывающего единства государства) и китайской (коллективистская трактовка прав с доминированием государства). Эти модели содержат фундаментальные различия ценностных и антропологических оснований, уходящие корнями в исторические траектории развития обществ, и удерживают различие в понимании взаимоотношений между индивидом, коллективностью и государством, что определяет фактическое содержание, специфические нормативно-правовые предпочтения и механизмы защиты прав человека. Таким образом, кризис универсализма прав человека разворачивается не столько как следствие несовместимости правовых институтов, но как столкновение ценностных систем, их фундирующих. Перспективы универсальной системы прав человека в ее нынешнем виде ограничены цивилизационными различиями, что делает глобальный содержательный консенсус маловероятным.

Ключевые слова: права человека; универсализм; цивилизационная модель; государственный суверенитет; социальная солидарность; национальная идентичность; культурные различия

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12.07.2024 № 075-15-2024-639).

Human Rights in the Context of Civilizational Diversity: Societal Origins of the Crisis

Natalia V. Pankevich

Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: pankevich@yandex.ru

Received 14.07.2025, revised 13.10.2025, accepted 05.11.2025

Abstract. The article examines contemporary challenges facing the human rights system, demonstrating that the ongoing crisis has led to the instrumentalization of human rights within geopolitical confrontations, and has generated tensions between their normative framework and other fundamental principles of the global order, including state sovereignty. The result is the increasing de-universalization of the human rights system. Furthermore, the most profound conflict exists at the civilizational level, where fundamentally different anthropological and socio-political premises for the formation of political entities collide – even the very conception of the state becomes a contested variable. The study analyzes the civilizational dimension of the human rights conflict through the lens of three paradigmatic models: the *Anglo-American model* where

rights are perceived as individual negative liberties constraining governmental power; the *Continental-European model*, with rights framed within social solidarity and an encompassing state unity; and the *Chinese model*, which is a collectivist interpretation of rights with state dominance. These models exhibit profound differences in their axiological and anthropological foundations – rooted in distinct historical trajectories – and sustain divergent conceptions of the relationships between the individual, the collective, and the state. These disparities shape the substantive content, normative preferences, and enforcement mechanisms of human rights system. Thus, the crisis of human rights universalism unfolds not merely as an institutional incompatibility, but as a clash for underlying value systems. The prospects for a universal human rights framework in its current form are constrained by these civilizational differences, making a global substantive consensus unlikely.

Keywords: human rights; universalism; civilizational model; state sovereignty; social solidarity; freedoms; international norms; national identity; cultural differences

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, provided as federal funding for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Pankevich N.V. Human Rights in the Context of Civilizational Diversity: Societal Origins of the Crisis, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 67-86. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_4_67

Многоуровневый конфликт в области прав человека. Современная динамика мировой политической системы указывает на глубокие трансформации, потенциально ведущие к пересмотру основополагающих институтов и ценностей в основе международных взаимодействий. Глубину этого процесса отражает острая дискуссия относительно ключевых принципов и параметров системы прав человека.

С момента окончания Второй мировой войны в своей эволюции права человека приобрели статус экстерриториального комплекса норм и в этом качестве становятся одной из фундаментальных основ мирового консенсуса о лимитах государственной власти. Утверждение универсальности, неотчуждаемости, взаимной обусловленности и связности системы прав создает общее пространство действия государств, а в расширительной динамике – и неправительственных акторов. С учетом этих принципов определяются ориентиры правового развития, формулируются критерии легитимности действий правительственных центров. Поэтому можно утверждать, что для мировой политики система прав человека выступает аналогом конституционализма, погружая властное действие в определенный ценностно мотивированный режим, обладающий превосходящей силой.

Однако сегодня такое восприятие смыслового комплекса, связанного с правами, проблематизируется и в ценностном, и институциональном измерениях. Источники этого идейного состояния различны в своей природе и по-разному вносят свой вклад в делегитимацию режима прав человека как крупнейшего достижения в развитии мировой цивилизации. Но все они

отмечают раскрывающийся с течением времени наступательный характер системы прав, создающий значительный повреждающий эффект в отношении других основополагающих для мировой системы институциональных и ценностных комплексов. Прежде всего, это указание на системную альтернативность и противопоставленность внешнего по отношению к государству универсального режима прав принципам равенства и автономии участников международного сообщества, невмешательства в области внутреннего нормирования (Pan 2023).

Указанное противоречие создает крупный конфликт рациональностей, фундирующих стратегии конкретных участников международной системы. Во взаимодействии государств с разным политическим весом система прав человека из механизма сознательного самоограничения государств по отношению к общим ценностям витального характера¹ превращается в инструмент геополитического противостояния. Целью подобного действия является как минимум достижение возможности вмешательства во внутренние дела, опосредованного неправительственным агентом, реализующим предположительно общезначимые правозащитные повестки (Панкевич 2023а). Под воздействием прокси-акторов содержательная экспансия прав человека ведет к требованию существенного расширения их номенклатуры, объема или пересмотра состава институтов, реализующих их защиту. Несмотря на то, что многие, если не большинство, из вновь возникающих смысловых комплексов не имеют под собой исторического обоснования и рациональности и являются продуктом чисто политического активизма. Как максимум, результатом становится прямая субординация в случае, когда доминирующему актору удастся универсализировать собственные трактовки прав человека и применить их обязывающим образом в отношении целевых государств.

Обнаружение обусловленности прав человека скрытыми логиками геополитической борьбы, доказанная способность доминирующих акторов к их инструментализации ведут к утрате данной областью своего объединяющего потенциала. В результате ориентированные на автономию государства все чаще заявляют о собственных подходах к определению номенклатуры и объема прав человека в пределах своих правопорядков и лимитируют свое участие в международных режимах и конвенциях. Зачастую такие стратегии имеют характер закрывающих действий и ведут к выходу отдельных стран из соответствующих договоренностей.

Вместе с тем глубина проблемы не исчерпывается вопросом инструментализации прав человека как средства обеспечения «порядка, построенного на правилах» – геополитического преимущества в реализации конкретной конкурентной стратегии одного актора во внутреннем пространстве другого. В институциональном измерении также важен обостряющийся конфликт между предположительно универсальным режимом прав, где государства утрачивают способность автономно нормировать

¹Universal Declaration of Human Rights 1948. Preamble. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 02.07.2025).

права, и необходимостью реализации прав в системе международных отношений, где именно государства в полной мере сохраняют свою позицию ключевого гаранта действенности всей системы (Finholt 2022).

Данный конфликт перестает быть противостоянием акторов, но представляет собой также и столкновение организационных принципов в многоуровневой архитектуре мирового пространства. Ставкой в этом конфликте выступает центральность института суверенного государства в качестве гаранта прав человека. Упорная борьба государств за режим усмотрения, который создает широкое поле автономного действия в поиске наиболее эффективного и содержательно адекватного национального режима реализации прав, относится как раз к этому уровню и формирует институциональный конфликт относительно распределения властных полномочий и компетенций между уровнями мировой политической системы (Панкевич 2023b).

Важным фактором, который задает вектор противостояния, является сохранение в полном объеме институциональной специфики государств, которые функционируют как культурно и ценностно детерминированные суверенные политико-правовые единства. В условиях, когда на первый план выходят приоритеты защиты идентичности, компоненты которой связаны с исторически возникающей культурной, религиозной, ценностной и правовой традицией, присущей конкретному сообществу, государства получают веский стимул к формулированию более нюансированных и не подлежащих согласованию интерпретаций состава прав человека и насыщению стандартных представлений о правах национальной спецификой. Именно в этом смысле конституционная идентичность государства становится фактором, определяющим необходимость содержательной подстройки и адаптации универсальных формулировок к конкретным социальным и правовым устоям.

Однако представляется, что и указание на сервисную функцию, которую играет обоснование национального духа прав местными условиями исходя из предпочтения, которое государства оказывают институциональному комплексу суверенитета, не является достаточным объяснением устойчивой оппозиции по отношению к универсальным трактовкам прав человека на содержательном уровне. В данном процессе возникают отчетливые закономерности, ведущие к формированию широких оппозиционных универсализму прав коалиций, связывающих государства различных географических регионов, очевидно принадлежащих к разным культурным традициям и правовым семьям, обладающих различным политическим весом в мировой и региональной политике².

Права человека и государство: цивилизационный контекст. Сегодняшний изоморфизм мировой политической системы, где государства приобретают статус естественной, но и единственной политической

²См., напр.: *Checo P.* China's impact on human rights in Africa, 30.08.2024 // Agência de Informação de Moçambique. URL: <https://aimnews.org/2024/08/30/chinas-impact-on-human-rights-in-africa/> (дата обращения: 02.07.2025).

формы, представляющей сообщество в международном общении, в значительной мере затрудняет доступ к этому пласту социальной реальности уже на методологическом уровне. Несмотря на расхождение в конкретном историческом маршруте и обстоятельствах, актуальное состояние формально фиксирует эквивиальность исторического развития существующих сегодня обществ, которая реализуется в создании собственного государства как наиболее продвинутой формы социального и правового единства или стремится к этой цели (Karaman, Ramuk 2013). Именно этот итог рассматривается сегодня как нормативный для всех и становится свидетельством зрелости соответствующего коллективного субъекта. Стереотипность же формы предполагает ответную стереотипность режимных и содержательных компонент жизни сообщества, включая представления о правах и механизмах их реализации.

Однако более пристальное внимание к конкретным социальным контекстам показывает, что становление государства в современной нам ипостаси территориально определенного, оснащенного формальным правительственным аппаратом политико-правового единства, основанного на воплощенной в гражданстве индивидуальной связи человека с политическим целым, вовсе не прерывает функционирование соответствующего общества в рамках той или иной парадигмы, создающей устойчивый комплекс материальной жизни, типических ментальностей, пространственных и хозяйственных практик, ритуалов повседневности. Эти глубинные структуры определяют особость политики как коллективного проекта, становящегося в броделевском *longue durée* человечества, превосходящем геополитическую событийность. Укрепление институциональных комплексов, связанных с суверенитетом, становится особым способом защиты социальных основ общественной жизни, формирует своеобразную оболочку, функциональную одновременно и для организации международных взаимодействий, и для изоляции внутренних смысловых и ценностных комплексов от повреждающего влияния внешних экспансий (Бляхер 2008). Под этой защитой цивилизационное своеобразие в полной мере сохраняет свою действенность и практическую значимость в качестве фактора, кодирующего весь объем социальных взаимодействий и их последующего правового нормирования.

Эта ситуация создает возможность проследить еще более глубинные коды ценностного характера, задающие долговременные стратегии участников международной системы в определении и защите действительно содержательного определения прав человека. Вариацию в отношении к этой системе как универсальному феномену задает еще более глубокий слой социетальных регуляторов, нежели наличная политическая культура и политическая идентичность сообщества под эгидой государства в качестве «почвенного» обоснования его автономии.

Коренное различие длительно накапливается и закрепляется как аккумулярованный результат фундаментально разных траекторий, которые были пройдены отдельными сообществами на пути к современному состоянию, где стереотипность формы не способна изжить исторически

обусловленное разнообразие конкретных институционализаций прав. Такая перспектива позволяет перенести центр внимания с финишной точки, связанной с утверждением государства в его современной форме, на процесс его становления в различных регионах и выявить принципиальные различия в понимании сути и функциональной ответственности этого института перед индивидом и сообществом, характерные для различных обществ.

Иными словами, более полное понимание современной поляризации может быть достигнуто с позиции исследования обусловленности прав через специфику взаимосвязи между индивидом, коллективностью и первичным центром политики, различным образом размещенных в охватывающем единстве суверенного государства. Именно это различие остается первичным источником, который питает в собственно содержательном отношении современный конфликт в области прав человека.

Дискурс о правах и капиталистическая цивилизация. Предложенный подход позволяет выявить несколько крупнейших парадигматических возможностей для определения природы, субъекта-носителя и института-гаранта прав. Возможность «другого» понимания прав выходит далеко за пределы схематики, основанной на диаде облеченного правами индивида вне социального контекста – абстрактного и стандартизированного уже на нормативном уровне представителя человеческого рода, и (само) ограниченного в своих возможностях правительственного центра, которая легла в основу международного режима прав человека.

Первично обоснование указанной диады возникает как продукт становления экономикоцентричной цивилизации, социетальное ядро которой составляет институт капиталистического рыночного обмена. Как показывает К. Поланьи, функциональность системы хозяйствования данного типа напрямую зависит от последовательной трансформации всех производственных факторов в товарные категории. В логике капиталистического развития земля, деньги и, прежде всего, труд способны и должны приобрести рыночную мобильность, становясь фиктивными товарами (Поланьи 2002: 83).

Вместе с тем очевидно, что превращение капитализма из способа хозяйствования и организации производства-распределения в особый тип диспозиции власти в обществе (Lacher 2006: 35) и далее – в цивилизационную парадигму должно быть обеспечено еще более глубоким сдвигом. Создавая необходимую мобильность, продвижение рыночной цивилизации последовательно разрушало традиционные формы коллективности, способные медиировать взаимодействие своих членов с другими общественными субъектами и правительственным центром, наделять их правами через участие в группе и одновременно создавать автономные от правительственного центра защиты его витальных прав.

Возникновение особого подхода к пониманию прав отражало реалии английского общества, где промышленная революция уже к XVIII веку фактически ликвидировала общинные связи, впервые превратив основную массу населения в мобильную рабочую силу. В ходе этого процесса была

фактически демонтирована сложная система переплетенных обязательств в рамках общины. И далее – всех видов прав, связанных с внесоциетальной принадлежностью индивида, которые оказываются несовместимыми с новым общественным укладом (Macfarlane 1978). Даже традиционная общинная солидарность и поддержка социально слабых, гарантирующим институтом чего является местное сообщество, то, что Поланьи называет «правом на жизнь» (Поланьи 2002: 93), оказывается в остром противоречии со становящейся общественной моделью.

В институциональном плане данный процесс опирался на вытеснение или прямой запрет коллективных форм собственности, уплотняющих социальные связи, криминализацию нищенства и др. Среди прочих новаций приоритет мобильности потребовал отмены системы хозяйствования, подчиненной моральным требованиям, что, в свою очередь, создало институциональную основу для разделения политики как функции правительственного центра и экономики как функции общественной жизни.

Возникающая капиталистическая композиция содержала, с одной стороны, элемент радикальной анархии, связанной с тем, что первичным элементом общественной структуры становятся индивидуализированные субъекты, располагающие сопоставимым и в равной мере недостаточным для поддержания жизни ресурсом. Этот элемент порождает всеобщую конкуренцию, необходимую для запуска и поддержания работы рыночного механизма. С другой стороны, эта цивилизационная модель заключила в себе критическую силовую асимметрию между лишенным коллективных защит индивидом и властным центром. Необходимость выживания социально изолированного индивида перед лицом обезличенных рыночных сил, которые, неся угрозу, при этом составляют и фундаментальную предпосылку существования всей общественной системы, в условиях ожесточенной конкуренции с такими же, как он, людьми, и одновременно невозможность эффективно противостоять властному произволу вели к катастрофической деградации всей социальной ткани.

Новая реальность создавала свободу, сопряженную мобильности, но и сталкивала индивида с изоляцией, невозможной в других социальных обстоятельствах. Ужасы естественного состояния (Hobbes 1996: 89), которые мыслители раннего периода становления капиталистической цивилизации относят к отстоящим во времени периодам истории, описывают как раз отчаянное положение индивида, вырванного из сетей традиционной солидарности, взаимной поддержки и защиты, созданных коллективным форматом жизни.

Выход из тупика был связан с содержательной и институциональной эволюцией в области возвышения индивидуальных прав. В английской традиции общественной мысли это понимание возникает и формируется как признание главным образом свобод, требующих по преимуществу лишь ограничения возможностей правительственного центра как в области взаимодействия с частным лицом, так и в регулировании всех областей общественной жизни. Неслучайно основной объем политической борьбы здесь был сосредоточен в области предельно скупого и лимитированного опреде-

ления объема полномочий правительственного центра и его подчинение формальной процедуре.

Вектор правовых новаций последовательно укреплял эту траекторию развития общественной системы, все более разводя функции политическое и экономического регулирования и локализуя их в различных институтах. Размежевание между хозяйственной и остальными управленческими функциями (включая силовую и моральную), атрибутированными экономике и политике соответственно, в конечном счете приводят к возникновению дихотомии общества и лимитированного правительства, автономно действующих в своих доменах.

Непосредственным следствием этого определения становится предпочтительное процедурным правам при сравнительно малой значимости прав субстанциональных. В формирующейся английской традиции ключевые акты последовательно ограничивали возможность действия правительственного центра в частном домене и одновременно расширяли номенклатуру инструментов (само)защиты граждан от прямого воздействия властного центра. Уже Билль о правах 1659 г. (*Act declaring the Rights and Liberties of the Subject and Settling the Succession of the Crown*) ограничил власть короны, в том числе в области налогообложения, и расширил права парламента как института представительства общественных интересов. Акт о престолонаследии 1701 г. (*Act of Settlement*) установил принцип независимости судей. Развитие этой новации вело к приобретению судами способности реализовывать функцию надзора в качестве ключевого механизма защиты прав подданных от посягательств со стороны как законодательной, так исполнительной власти.

Трансфер данной концепции в Новый Свет еще более радикализировал сложившийся идейный комплекс. Английская борьба за ограничение властного центра и подчинение его функции рынка здесь приобрела характер сепарации нового общества от институтов монархии и сделала возможной реализацию «с нуля» мечты о предельно компактном ограниченном (преимущественно компетенциями во внешней политике) и децентрализованном (в рамках федеративной системы) правительстве и саморегулирующемся обществе, фактически свободном от властного центра. Вновь институциональное строительство отражало этот комплекс воззрений. Английский трансфер власти передавал компетенции регулирования из институтов монархии в представляющий общество парламент. Американский трансфер был еще более радикален: он создал ограниченное конституцией, разделенное институционально правительство и разместил значимый объем регулирования в судах, поставив при этом судебную процедуру под непосредственный контроль общества через институты участия (Руденко 2011: 8–9). В этом развитии суд становится своего рода «щитом» для индивида. Уже к началу XIX века (показательно дело *Marbury v. Madison* 1803 г.) судебная система осознает себя инстанцией, превосходящей и законодателя, и исполнителя, и коллективную субъектность большинства, выраженную в нормативном акте, принятом Конгрессом. Суд закрепляет за собой права объявлять законы неконституционными, лишая их обязывающей силы.

Рассмотренная парадигма, проводящая мощный водораздел между индивидуально-частным и властным измерением общественной жизни, порождает фундаментальные последствия. Ключом к пониманию всей архитектуры прав человека в данном изводе является специфическое представление о сути государства. Становящееся на обоих берегах Атлантики цивилизационное единство формирует это понимание, фактически сводя государство к антагонисту общественной жизни – правительству (Jansen, Michaels 2006: 853). Отделенное от общества и противопоставленное обществу правительство может препятствовать реализации индивидуальной свободы или становиться ее условием (в дихотомии гоббсовской и локковской традиций). Но общество способно существовать и без него, самостоятельно генерируя для своих нужд порядок на основе собственных норм (Ellickson 1991), функционирующих в сущности точно так же, как законы, эмитентом которых является правительство (Snyder 2003: 405).

Этот же комплекс воззрений ведет к укреплению представлений о том, что заместитель государства, правительство, является ареной для столкновения группировок, мотивированных партикулярным интересом (Jansen, Michaels 2006: 856). И о том, что властный аппарат в конечном итоге реализует интересы экономически доминирующих групп доступными лишь ему политическими средствами (Wood 1991: 28). В этом смысле его деятельность принципиально отлична от поиска и защиты общего блага. А потому общественные интересы в целом могут быть надежно защищены только в предельно свободном и огражденном от государства социуме.

Такое понимание общественной конструкции рассматривает государство как угрозу частной свободе. Соответственно, основной и фактически остаточной задачей правительственного аппарата за пределами внешней политики становится защита частной автономии через поддержание минимального порядка – монополизацию и структурирование легитимного насилия.

Проекцией этого стратегического выбора становится слабость или даже невозможность становления в подобной социетальной конструкции сильного социального государства, которое в мире негативных свобод раз за разом терпит поражение. Основной объем правительственных интервенций связан лишь с корректирующим действием, которое сглаживает сбои конкуренции и создает гарантии от захвата рыночного и социального пространства вне правительственного центра крупнейшими частными субъектами. Но и это весьма умеренное расширение компетенции правительственного аппарата потребовало накопления значительного опыта работы с рыночными несовершенствами и нашло свое выражение лишь в связи с изобретением «нового курса».

Таким образом, данная цивилизационная модель производит масштабную приватизацию всех сфер общественной жизни, подчиняя их функционирование индивидуалистической перспективе. Ограниченное понимание прав и их содержательная редукция фактически лишь к неотчуждаемым правам в рамках негативной свободы от правительственного произвола становится компактным решением, примиряющим продуктивную в мате-

риальном смысле, но разрушающую социальную ткань цивилизационную специфику общественной модели трансатлантического мира с требованиями минимальной безопасности человека в условиях ожесточенной конкуренции с ближними и перед лицом властного центра.

Капитализм и коллективность: континентальная модель. Формирование подобного комплекса представлений о правах в достаточной мере уникально. Ряд исследователей выдвигает тезис о том, что вариант эндогенного развития капиталистической модели и сопутствующие трансформации в области прав характерны только и исключительно для англо-американского сценария (Brenner 1989; Lasher 2006: 70–73), единственного, в рамках которого совокупность частных эгоизмов порождает общество.

Однако в этом случае распространение данной концепции прав возможно рассматривать как экспансию своего рода транспланта – крупнейшего ценностно-институционального комплекса, возникающего в определенных исторических обстоятельствах и приобретающего статус политической доминанты главным образом в результате трансфера в новые социальные среды, который возможен как итог силового или ресурсного преимущества сообщества, этот трансфер организующего. Негативная трактовка прав как свобод утверждается в ценностном ядре капиталистической цивилизации как сервисный институт, обслуживающий рыночный обмен, и глобально распространяется вместе с ней.

В этой оптике даже успешный в целом «прыжок» капиталистической парадигмы на европейский континент происходит не столько в результате развития здесь эндогенных факторов, связанных, например, с ростом городов или успехом торговли на дальние расстояния, возвышением буржуазии как создателя новых общественных практик. В наиболее радикальных историографических трактовках перенос данной хозяйственной парадигмы в страны континента осуществляется «сверху» действием доминирующих классов, укорененных в сословной структуре политического господства, и применяется ограниченно как чисто хозяйственная адаптационная техника перед лицом снижающейся конкурентоспособности в экономическом и военном отношении (Lacher 2006: 95–96).

Однако в новых средах и социальных контекстах, где государство рассматривается уже не как отделенная от общества и противостоящая ему внешняя конструкция, но скорее как наиболее полная реализация и воплощение продуктивной мощи сообщества (Böckenförde 2006: 4–6), укрепление негативной либеральной модели прав оказывается принципиально осложнено. Цивилизационные факторы создают серьезные препятствия для ее укоренения. Несмотря на включенность в общий тренд развития капиталистической цивилизации, континентальная версия современной государственности рассматривает ее формирование принципиально отлично от англо-американской традиции.

Европейское видение рассматривает государство как проект совместных усилий членов общества, укорененный в идее солидарности. В данной композиции правительственный аппарат становится локусом определения общего блага, а не ареной лоббизма частных преимуществ. Эта специфика восходит

к двум ключевым источникам: сохранению значимого числа элементов коллективной субъектности даже в условиях модернизации и системной позиции государства как правового единства, охватывающего одновременно и общество, и правительство.

Конкретный опыт континентальных стран даже западноевропейского ядра показывает, что исторически сложившиеся формы коллективных прав здесь оказали куда более действенное сопротивление повреждающему воздействию капиталистического строительства. Различные формы хозяйственной взаимозависимости и соответствующие им формы коллективной субъектности, ответной солидарности и взаимопомощи здесь длительно сохраняли свою действительность. Даже французская революция не смогла устранить коллективный характер земельного пользования и соответствующие системы солидарности и нерыночного перераспределения общественных благ. В Германии альменды (общинные земли) и шире, разветвленные системы коллективных прав на производственные факторы, – существовали до XIX века.

В результате континентальный капитализм развивался в постоянном взаимодействии с коллективными формами солидарности и системно укреплял этот баланс в правовом порядке как компромисс между частными и общественными интересами. Даже ключевой для капиталистической общественной парадигмы институт частной собственности в континентальных странах никогда не приобретал статуса абсолютного и конечного правового комплекса: Кодекс Наполеона (1804)³ и Германское гражданское уложение (1896)⁴ прямо ограничивали его «общественным благом». Данное предпочтение характеризуется значительной преемственностью, длительно сохраняет и наращивает свой общественный потенциал: послевоенная конституция Федеративной республики Германии содержит норму об обязывающей природе собственности, распоряжение которой должно служить общему благу⁵.

Подобный вариант адаптации капиталистической модели позволил в значительной мере сохранить в континентальной Европе традиционную систему взаимодействий правительственного центра и общества. Неслучайно Токвиль, исследуя ситуацию в послереволюционной Франции, обнаруживает значительную институциональную инерцию даже на фоне пережитого катастрофического социального слома (Токвиль 2008).

Сохранение социальной значимости опосредующей коллективности на уровне «ниже государства» сделало невозможной тотальную индивидуализацию и приватизацию прав, равно как и не смогло изолировать прави-

³ Code civil des Français 1804. Arts. 544-545, 552. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9651098p/f12.item.r=Code%20civil%20des%20Français%201804> (дата обращения: 02.07.2025).

⁴ Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands, 1900, §§ 903, 905-926. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html> (дата обращения: 02.07.2025).

⁵ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949. Art. 14 (2). URL: <https://www.verfassungen.de/gg/index.htm> (дата обращения: 02.07.2025).

тельствственный аппарат в ограниченной функциональной сфере. Цивилизационная модель принуждает стороны к взаимодействию и партнерству, налагая на государство позитивные обязательства по обеспечению не только формальной свободы, но и обеспечению социальной справедливости, равноправия, достойного уровня жизни. Это принципиально меняет саму природу прав: они выступают не только как свобода граждан от произвола правительства как властвующего субъекта, но и в качестве прямой обязанности государства как политико-правового единства. Закрепленный уже на уровне конституционных положений, этот принцип партнерства в возрастающей мере ориентирует институциональное развитие на формирование социального государства⁶. В свою очередь, эта схематика требует формирования не компактного, а скорее, напротив, разветвленного и дифференцированного правительственного аппарата, глубоко проникающего в общественную ткань и активно коммуницирующего с общественными группами.

Эта позиция, в противоположность атлантической модели, с одной стороны, позволяет сделать государство агрегатором общего блага, основным эмитентом и гарантом прав, совместимых с условиями, при которых возможно человеческое общежитие⁷. А с другой, не требует последовательно разрыва индивида с различными формами групповой принадлежности, медирующей его положение в обществе, что препятствует распаду общественной ткани. Поэтому стороной общественного договора становится не механическая совокупность индивидов, а органически возникающая гражданская община, действующая как композитная «условная личность» (Руссо 1998: 210).

Данное понимание имеет важное следствие для возникновения и реализации прав. Они оказываются социально обусловлены двойственным образом и определяются одновременно вкладом индивида в догосударственное сообщество, его развитие и процветание, а также вкладом самого сообщества в успех государственного строительства. Общество и государство равным образом становятся гарантами индивидуальных прав, формируя более нюансированный правовой ландшафт.

Очевидно, что в этом случае индивидуальный вклад не поддается прямой калькуляции в рыночных терминах и, соответственно, не может быть исчерпан заработной платой, получаемой в качестве наемного работника, или прибылью – в качестве предпринимателя. Участие в многоуровневом сообществе формирует своего рода рентные основания, создающие вполне зримые защиты для уязвимых групп, не участвующих непосредственно в производстве экономического прибавочного продукта, но вносящих вклад в защиту, развитие и безопасность государства общественной значимой деятельностью, родительством, службой, волонтерством и т.д. Иными

⁶ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949. Art. 20 (1). URL: <https://www.verfassungen.de/gg/index.htm> (дата обращения: 02.07.2025).

⁷ Jhering R. Der Zweck im Recht. Erster Band. Zweite Umgearbeitete Auflage. Leipzig: Breitkopf & Härtel. 1884. 570 S.

словами, для данного типа общественной структуры не является проблемой тот факт, что формальное политическое равенство индивидов может сосуществовать с возникновением неравенства статусного и дополняться механизмами доступа к благам, которые определяются конкретным статусом индивида в его взаимодействии с социальным целым.

Встроенная иерархия такого общества может быть интерпретирована как реликт сословной системы. Но здесь важно учитывать, что в рамках подобной конструкции производится увязка смыслового комплекса прав с не менее значимым комплексом обязанностей, а понимание индивида развивается прежде всего в ключе не только формальной гражданственности как равной политической субъектности, но и причастности к общему созидательному проекту. Результатом реализации данной парадигмы становится расширение темпорального измерения жизни общественной системы, недоступное рыночной парадигме, которая основана на калькуляции лишь актуального вклада индивида в состояние общественной системы и полностью игнорирует накопленный вклад поколений.

Права человека и некапиталистические альтернативы. В предложенном континууме системных возможностей, определяющих цивилизационную специфику сообщества под эгидой государства как механизма, кодирующего объем предоставленных индивиду прав, возможно разместить и еще одну парадигматическую модель. Она будет представлена политиями, где баланс между индивидуальной автономией и коллективностью, между обществом и государством радикально смещен в пользу последних. Предпосылкой подобной системы является иерархическая соподчиненность государства и коллективистского общества, развитие которого либо не привело к появлению классов или иной формы дифференциации и сопутствующего правового неравенства, либо общество намерено последовательно стереть подобное различие.

Опыт предельно коллективистской системы, где государство не просто охватывает или колонизирует общество, но и на длительном историческом горизонте фактически замещает его, представлен опытом китайской цивилизационной модели. Современное включение в международную капиталистическую экономику здесь сочетается с осознанно и последовательно некапиталистической ориентацией в общественном строительстве внутри страны.

Исследование исторических предпосылок становления китайского общества позволяет исследователям делать однозначный вывод о том, что китайская цивилизация содержит в себе модель семьи, где статус индивида как самостоятельного носителя прав становится проблематичен: эмитентом и, по сути, дарителем права здесь является государство. Индивид, общество и правительственный центр равно и персонально облечены ответственностью за процветание перед социальным целым. Поэтому становится возможным утверждать, что «главный итог долгой китайской истории – само государство» (Кондрашова 2014: 48), не различающее водораздел между правительственным центром и обществом. Частная собственность в этих условиях не становится центральным институтом. Модель характе-

ризует симбиоз, а не противопоставленность правительственного центра и коллективной общности народа, что ведет к избыточности институтов, связанных с разделением властей (Виноградов 2014: 63).

Специфичную трактовку получает также идея верховенства права. Как формулирует эту концепцию Виноградов, «неотчужденность общественных отношений привела к тому, что в Китае правил человек, а не закон» (Виноградов 2014: 65). Там, где западная цивилизация находит в праве способ усмирения рыночной анархии и противостояния произволу внешнего для общества правительственного аппарата, китайская общественная мысль предлагает персональную ответственность правителя за процветание всего общества и подчинение общества и каждого его участника властному действию. Очевидно, что такая диспозиция пресекает развитие институтов, нацеленных на защиту индивидуальной автономии.

Эти понимаемые так с позиции западной цивилизации дефициты не имеют системного значения для легитимности власти. Собственно, для последовательно коллективистской системы подобные институты, конституирующие индивидуальную автономию, являются принципиально чуждыми и могут функционировать на периферии общественных отношений, где рыночная экономика становится инструментом, опосредующим лишь включение в международную экономику.

Система прав человека в рамках данной модели предсказуемо отличается существенным содержательным отличием, выдвигая на первый план позитивные обязательства государства перед сообществом и коллективистский профиль системы прав. Как формулирует этот приоритет китайской политики План действий до 2025 г., правительство Китая руководствуется «ориентированной на народ философией развития, верой в то, что счастливая жизнь народа является самым важным правом человека»⁸.

Данная модель последовательна в стирании медирующей положение индивида групповой субъектности и ее растворении в единстве народа. Но техника китайской цивилизационной модели делает это принципиально иным способом и с другими результатами, нежели противоположная ей по духу либеральная англо-американская модель. Групповая субъектность разрушается за счет социального и экономического выравнивания индивидуальной ситуации каждого гражданина и домохозяйства. Основным механизмом этой стратегии является главным образом государственное перераспределение материальных ресурсов (Quan 2021), создающее не автономию, но прямую зависимость гражданина от политического целого.

Негативные свободы отчасти сохраняют свое присутствие в системе прав, но определенно не конституируют ее ядро. Центр системы прав принадлежит созданию реальных измеримых условий в области материального обеспечения, социальной защиты, культуры, в которых возможна реализация базовых прав человека. Права оказываются концептуально связаны с безопасностью в самом широком смысле, а гарантом безопасности

⁸ Human Rights Action Plan of China (2021–2025). URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202109/1233789.shtml> (дата обращения: 02.07.2025).

является государство-общество как предельный коллектив, превосходящий любого индивида или группу.

Так, в рамках современной китайской концепции право на жизнь приобретает характер политического права и является комплементарным по отношению к праву на базовый жизненный уровень, который включает доступ к жилью, чистой воде, питанию, общественному транспорту, цифровой инфраструктуре, опирается на право получить образование, медицинское и социальное обслуживание. Механизмом же обеспечения стандарта в рамках коллективистской системы, ориентированной на материальное равенство, могут стать, в том числе, прямая редистрибуция и выравнивание доходов через проактивное действие правительственного центра, ассимиляционные практики в отношении отклоняющихся меньшинств, выравнивание языкового и культурного ландшафта, борьба с избыточным потреблением и иные дисциплинарные практики.

С точки зрения подобного подхода либеральная трактовка прав, укorenившаяся в качестве международного стандарта, может рассматриваться как выхолощенная и лишённая реального правозащитного содержания. Некапиталистические системы, ориентированные на признание высокого организующего потенциала коллективной субъектности, совпадающей в своих границах с государственным единством, системно тяготеют к субстанционализации прав человека. Здесь будет уместно вспомнить последовательную оппозицию СССР западной коалиции во время подготовки текста Всеобщей декларации прав человека. В отсутствие конкретных позитивных обязательств государств по избавлению человека от нищеты, голода, эксплуатации, советская делегация расценила ее текст как *«ширму для прикрытия картины бесправия и нечеловеческих условий жизни миллионов простых людей в капиталистических странах»*⁹. Подобная позиция в современных условиях оказывается близка к китайскому взгляду на международную систему прав человека.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что современный конфликт в области прав человека представляет собой столкновение разных антропологических и политико-экономических парадигм. Кризис прав человека как универсальной нормативной системы отражает глубинные противоречия современного мира, связанные с глобализацией, культурным разнообразием и борьбой за идейное влияние. При этом содержательное наполнение прав оказывается обусловлено крупными процессами, в рамках которых сообщества руководствуются скорее цивилизационными аспектами собственной идентичности, нежели политическими интересами.

Эти различия показывают, что трактовка прав человека является продуктом конкретной исторической и культурной среды, что затрудняет ее глобальное принятие. Утвердившейся на мировом уровне англо-американской модели, которая сформирована капиталистической конкуренцией и делает

⁹ ООН. Страницы истории: почему СССР не поддержал проект Декларации о правах человека? 10.12.2016. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2016/12/1038451> (дата обращения: 01.07.2025).

акцент на негативных свободах и ограничении роли государства, оказывается противопоставлен ряд системных возможностей определения прав. В континентальной Европе права человека сочетаются с идеей социальной солидарности и активной ролью государства в обеспечении общественного блага. В китайской модели, где государство и общество реализуют себя как единое целое, права человека оказываются содержательно связаны с коллективными интересами, социальной стабильностью и безопасностью.

Таким образом, содержательное наполнение и институциональное обеспечение системы прав человека оказывается насыщено разнообразием, которое невозможно атрибутировать лишь страновому уровню. Соуществование в рамках мировой политической системы обществ, характеризующихся и руководствующихся цивилизационной идентичностью, не оставляет значительных перспектив для утверждения содержательно универсальной системы прав человека. С учетом всех уровней, на которых данный конфликт проявляет себя, скорее возможно предположить, что система универсальных прав будет функционировать в минимальном объеме, фиксирующем глобальный консенсус и основанном на самоограничении государств, но не будет существенным образом эволюционировать на собственном международном уровне.

Данный прогноз представляется наиболее вероятным также и в свете того, что несмотря на значимость коллективистских проектов и роста внимания мировой общественности к возможностям некапиталистического подхода к регулированию самых различных областей, мировая система остается миром-экономикой. Негативное понимание прав как свобод соприродно ей и отражает исторически одержанную победу стран-проводников мировой капиталистической экспансии.

Перспектива развития всеобщей системы прав, редуцированных сегодня на международном уровне до неотчуждаемых, связана с интерпретацией и содержательным расширением в контекстах правопорядков, укорененных в цивилизационном различии. При этом возвышение мировых центров, для которых ориентация на некапиталистическое развитие и опора на ресурсы собственной цивилизационной идентичности является осознанной стратегией, открывает возможности для реализации более коллективистских проектов в области прав.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бляхер Л.Е. 2008. Архаические механизмы легитимации власти в России, или очерки об истоках ностальгического сознания // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 3. С. 7–29.

Виноградов А.В. 2014. Преемственность и коллективизм Китайской цивилизации // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире : [по материалам конф. : в 2 т.] / отв. ред. В.Г. Хорос. Москва : ИМЭМО РАН. Т. 1. С. 60–65.

Кондрашова Л.И. 2014. Институциональная матрица Китайской цивилизации // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире : [по материалам конф. : в 2 т.] / отв. ред. В.Г. Хорос. Москва : ИМЭМО РАН. Т. 1. С. 45–60.

Панкевич Н.В. 2023а. Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и институциональному развитию государственной политики единства // Антиномии. Т. 23, вып. 2. С. 47–76. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_47

Панкевич Н.В. 2023б. Международное правосудие: проблема политической субъектности и кризис легитимности // Дискурс-Пи. Т. 20, № 4. С. 139–161. DOI 10.17506/18179568_2023_20_4_139

Поланьи К. 2002. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. Санкт-Петербург : Алетейя. 320 с.

Руденко В.В. 2011. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург : РИО УрО РАН. 644 с.

Руссо Ж.-Ж. 1998. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. Москва : Канон-Пресс : Кучково поле. С. 195–322.

Токвиль А. 2008. Старый порядок и революция. Санкт-Петербург : Алетейя. 248 с.

Böckenförde E.-W. 2006. Geschichte der Rechts- und Staatsphilosophie. Mohr Siebeck : Tübingen. 499 p.

Brenner R. 1989. Borgeous Revolution and Transition to Capitalism // The First Modern Society: Essays in English History / Eds. A.L. Beier, D. Gannadine, J.M. Rosemhein. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 271–234.

Ellickson R. 1991. Order Without Law: How Neighbors Settle Disputes. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. 302 p.

Finholt H.C. 2022. International Human Rights Protections Find Support in Hobbes' Leviathan // Philosophies. Vol. 7, № 3. P. 1–12. DOI 10.3390/philosophies7030047

Jansen N., Michaels R. 2006. Private Law Beyond the State? Europeanization, Globalization, Privatization // American Journal of Comparative Law. Vol. 54, № 4. P. 843–890. DOI 10.1093/ajcl/54.4.843

Hobbes T. 1996. Leviathan. Cambridge Texts in the History of Political Thought. Student ed. Cambridge, MA : Cambridge Univ. Press. 519 p.

Karaman K., Pamuk Ş. 2013. Different Paths to the Modern State in Europe: the Interaction Between Warfare, Economic Structure and Political Regime // The American Political Sciences Review. Vol. 107, № 3. P. 603–626. DOI 10.1017/S0003055413000312

Lacher H. 2006. Beyond Globalization: Capitalism, Territoriality and the International Relations of Modernity. New York : Routledge. 208 p.

Macfarlane A. 1978. The Origins of English Individualism: the Family, Property and Social Transition. Oxford : Blackwell. 216 p.

Pan D. 2023. Human Rights and Nation-State Sovereignty // Telos: Critical Theory of the Contemporary. Vol. 2023, № 203. P. 99–108. DOI 10.3817/0623203099

Quan H. 2021. China's Income Distribution Reform in the New Era: New Problems and Challenges // Forty Years of Renovating the Income Distribution in China. Singapore : Springer. P. 223–241. DOI 10.1007/978-981-33-6244-4_8

Snyder D.V. 2003. Private Lawmaking // Ohio State Law Journal. Vol. 64, № 2. P. 371–447. DOI 10.2139/ssrn.397301

Wood E. 1991. The Pristine Culture of Capitalism: a Historical Essay on Old Regimes and Modern States. London ; New York : Verso. 200 p.

References

Blyakher L. Archaic Mechanisms of Power Legitimation in Russia, or Essays on the Roots of Nostalgic Consciousness, *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 2008, no. 3, pp. 7–29. (in Russ.).

Böckenförde E.-W. *Geschichte der Rechts- und Staatsphilosophie* [History of the Philosophy of Law and State], Mohr Siebeck, Tübingen, 2006, 499 p. (in German).

Brenner R. Borgeous Revolution and Transition to Capitalism, A.L. Beier, D. Gannadine, J.M. Rosemhein (Eds.), *The First Modern Society: Essays in English History*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1989, pp. 271–234.

Ellickson R. *Order Without Law: How Neighbors Settle Disputes*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1991, 302 p.

Finholt H.C. International Human Rights Protections Find Support in Hobbes' Leviathan, *Philosophies*, 2022, vol. 7, no. 3, pp. 1–12. <https://doi.org/10.3390/philosophies7030047>

Hobbes T. *Leviathan*. Cambridge Texts in the History of Political Thought. Student ed., Cambridge, MA, Cambridge Univ. Press, 1996, 519 p.

Jansen N., Michaels R. Private Law Beyond the State? Europeanization, Globalization, Privatization, *American Journal of Comparative Law*, 2006, vol. 54, no. 4, pp. 843–890. <https://doi.org/10.1093/ajcl/54.4.843>

Karaman K., Pamuk Ş. Different Paths to the Modern State in Europe: the Interaction Between Warfare, Economic Structure and Political Regime, *The American Political Sciences Review*, 2013, vol. 107, no. 3, pp. 603–626. <https://doi.org/10.1017/S0003055413000312>

Kondrashova L.I. *Institutsional'naya matritsa Kitayskoy tsivilizatsii* [The Institutional Matrix of Chinese Civilization], V.G. Khoros (resp. ed.), *Kitayskaya tsivilizatsiya v globaliziruyushchemsya mire : [po materialam konf. : v 2 t.]*, Moscow, IM-EMO RAN, 2014, vol. 1, pp. 45–60. (in Russ.).

Lacher H. *Beyond Globalization: Capitalism, Territoriality and the International Relations of Modernity*, New York, Routledge, 2006, 208 p.

Macfarlane A. *The Origins of English Individualism: the Family, Property and Social Transition*, Oxford, Blackwell, 1978, 216 p.

Pan D. Human Rights and Nation-State Sovereignty, *Telos: Critical Theory of the Contemporary*, 2023, vol. 2023, no. 203, pp. 99–108. <https://doi.org/10.3817/0623203099>

Pankevich N.V. Decentralized Value-Inspired Communities: Towards the Renewal and Institutional Development of the State Unity Policy, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 47–76. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_47 (in Russ.).

Pankevich N.V. International Justice: The Problem of Political Actorness and the Crisis of Legitimacy, *Discourse-P*, 2023, vol. 20, no. 4, pp. 139–161. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_139 (in Russ.).

Polanyi K. *The Great Transformation the Political and Economic Origins of Our Time*, St. Petersburg, Aleteyya, 2002, 320 p. (in Russ.).

Quan H. China's Income Distribution Reform in the New Era: New Problems and Challenges, *Forty Years of Renovating the Income Distribution in China*, Singapore, Springer, 2021, pp. 223–241. https://doi.org/10.1007/978-981-33-6244-4_8

Rousseau J.-J. The Social Contract, or Principles of Political Right, *Russo Zh.-Zh. Traktaty*, Moscow, Kanon-Press, Kuchkovo pole, 1998, pp. 195–322. (in Russ.).

Rudenko V.V. *Citizen Participation in the Administration of Justice in the Modern World*, Ekaterinburg, RIO URO RAN, 2011, 644 p. (in Russ.).

Snyder D.V. Private Lawmaking, *Ohio State Law Journal*, 2003, vol. 64, no. 2, pp. 371–447. <https://doi.org/10.2139/ssrn.397301>

Tocqueville A. *The Old Regime and the Revolution*, St. Petersburg, Aleteyya, 2008, 248 p. (in Russ.).

Vinogradov A.V. *Preyemstvennost' i kollektivizm Kitayskoy tsivilizatsii* [Continuity and Collectivism of Chinese Civilization], V.G. Khoros (resp. ed.), *Kitayskaya tsivilizatsiya*

v globaliziruyushchetsya mire : [po materialam konf. : v 2 t.], Moscow, IM-EMO RAN, 2014, vol. 1, pp. 60–65. (in Russ.).

Wood E. *The Pristine Culture of Capitalism: a Historical Essay on Old Regimes and Modern States*, London, New York, Verso, 1991, 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Владимировна Панкевич

кандидат политических наук, доцент,
научный сотрудник

Института государства и права РАН,
г. Москва, Россия;

ORCID: 0000-0001-7661-1754;

ResearcherID: AAO-9803-2021;

SPIN-код: 8940-7486;

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Pankevich

Candidate of Sciences in Politics,
associate professor,

Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0001-7661-1754;

ResearcherID: AAO-9803-2021;

SPIN-code: 8940-7486;

E-mail: n.pankevich@yandex.ru